

Глава VII

СТОРОННИКИ ВОССОЕДИНЕНИЯ С МОСКОВОЙ В НОВГОРОДЕ

В 1456 г. Василий Темный разбил ополчение Новгорода, поддерживавшего Дмитрия Шемяку в последние годы его борьбы с Москвой. Яжелбицкий мир, заключенный между Новгородом и Москвой, ставил Новгород в политическую зависимость от Москвы. Самостоятельность Новгорода была ограничена, и он обязан был выплатить Василию Темному огромную контрибуцию, что на время привело к сокращению строительства в Новгороде.

К концу 50-х гг. XV в. перевес Москвы настолько определился, что представителям боярской партии в Новгороде приходилось думать уже не столько об открытой борьбе, сколько о политике отсрочки, неизбежного, по существу, конца новгородской независимости. Растет и сочувствие демократических слоев населения Новгорода Москве. Роль заступника и постоянного ходатая за Новгород перед московским великим князем принадлежит избранному после смерти Евфимия II архиепискому Ионе, искусно ведшему свою политику между крайностями боярской партии и энергичным натиском Москвы.

Иона ознаменовал свое архиепископство целым рядом предприятий, клонившихся к закреплению мирных отношений с Москвою. Характерно, что, по позднейшей легенде, Ионе было в детстве предсказано архиепископство открытым сторонником московского великого князя Михаилом Клопским. В житии Ионы отмечено, что «московистии князи много любяхуть его». Иона установил в Новгороде культ московского святого — Сергия Радонежского, построил ему церковь (1463 г.), ездил в Москву, где слезно заступался за новгородцев перед великим князем.

При Ионе вторично приезжает в Новгород Пахомий Серб. Иона, как и Евфимий II, заказывает Пахомию различные церковные службы, но при этом, наряду со службами новгородским святым, заботится и о службах святым, имевшим общерусское значение. Из работ Пахомия этого периода сохранились службы Евфимию II (Великому), Антонию Печерскому, Савве Вишерскому. Особенный интерес имеет заказанное Ионой Пахомию «Сказание о чуде преподобного Варлаама Хутынского» (1460 года).

«Чудо» это, случившееся в первый же год архиепископства Ионы, весьма симптоматично. Оно — яркое следствие поворота новгородской политики. Во время приезда в Новгород московского великого князя Василия Васильевича умер его постельничий Григорий Тумган. Привезенный ко гробу Варлаама, постельничий якобы «воскрес». Так же как и открытие мощей архиепископа Иоанна при Евфимии II, воскрешение постельничего московского великого князя у гроба новгородского святого не было случайным: новое чудо знаменовало собою передом в новгородской политике, стояло в связи с поворотом в новгородской дипломатии, пытавшейся расположить к Новгороду великого князя Московского. Заказывая описание этого чуда Пахомию Сербу, Иона имел в виду внушить московскому великому князю уважение к новгородским святыням, примирить его с Новгородом. Предназначенное для такой цели сказание написано в духе московских взглядов. Оно именует Василия Васильевича «благочестивым и благоверным, великим князем владимирским и московским и новгородским и всея Руси», а Новгород — «вотчиной» московского князя. Впоследствии, при Феофиле, когда отношения Новгорода с Москвою вновь обострились, послужный исполнитель воли своих заказчиков Пахомий Серб переделал свое произведение согласно с требованиями момента: пышное титулование московского великого князя было заменено более простым: «благочестивый великий князь», а место, в котором говорилось о Новгороде как о вотчине великого князя, опущено.

К эпохе Ионы и усиления московских тенденций в Новгороде относится житие яркого представителя московской демократической партии в Новгороде — Михаила Клопского. Житие это — единственное произведение, возникшее в среде сторонников Москвы. Москвич по происхождению, свойственник московских великих князей, Михаил избрал местом своего монашеского пребывания небогатый новгородский Клопский монастырь, игумена которого Феодосия низы новгородского населения одно время избрали в архиепископы. Житие обильно рассказами о враждебном отношении монастыря к посадникам, к укрывавшемуся в Новгороде неудачному конкуренту московского великого князя — Дмитрию Шемяке, и, вместе с тем, это житие, в отличие от велеречивых и витийственных произведений Пахомия, выполнившего заказы боярской партии, носит демократический, просторечный характер со следами влияния фольклора. Ни имени автора, ни имени заказчика (если он только был) этого популярного жития не сохранилось.

Житие Михаила Клопского неоднократно подвергалось переработкам и дополнениям. Различные редакции жития отчетливо свидетельствуют о чрезвычайно изменчивых литературных вкусах и разнообразии политических партий новгородцев XV—XVI вв. Наиболее интересна первая редакция жития, возникшая, очевидно, сравнительно скоро после смерти Михаила Клопского в 1460-х гг. в среде сторонников Москвы.

Житие это имеет мало общего с церковной житийной литературой. Оригинальна сама форма этого жития, представляющего собой соединение нескольких эпизодов — «чудес», но без традиционного в церковных житиях описания детства святого и без традиционной заключительной похвалы свя-

тому. Эти «чудеса»-эпизоды представляют собою самостоятельные занимательные рассказы легендарно-сказочного, а порою и жизненно-реального характера, заставляющего предполагать, что они сложились первоначально в устной сказочной традиции и лишь затем были обработаны в форме книжного повествования.

Целый ряд эпизодов жития хорошо передает атмосферу монастырского быта XV в. Таков, например, первый эпизод жития, рассказывающий о таинственном приходе в монастырь старца Михаила. Появление его происходит в ночь на Ивана Купала — 23 июня. Старца принимают за беса. Очевидно, остатки язычества, вера в Иванов день были сильны в XV в. даже в монастырях. Незнакомца заметил в своей келье поп Макарий. Незнакомец сидел на стуле, перед ним горела свеча, он переписывал деяния апостола Павла. Поп «уполошившися», вернулся в церковь, которую только что перед тем «покадив» (покинул) и рассказал о незнакомце братии и игумену. Игумен взял крест и кадило и отправился с чернецами в келью. Сенцы оказались запертными. Посмотрели в окно в келью: незнакомый старец «сидит и пишет». Игумен сотворил молитву. Старец слово в слово повторил молитву. Игумен еще трижды сотворил молитву. Увидев, что молитва не смущает старца, игумен прямо спросил его: «кто еси ты: человек или бес; что тебе имя?» Но старец и на этот раз ответил ему «те ж речи»: «человек ли еси или бес; что тебе имя?». Игумен спросил его второй раз и третий, «а он против те же речи отвещает. И повеле Феодосий игумен у сенецъ верх содрать, а у кельи двери выломить». Затем игумен «почал по кельи темьяна кадити, да и старца кадить учял, и он (то есть старец) от темьяна закрывается, а крестом знаменается». Окадив старца, игумен еще раз спросил его: «как к нам пришел, откуда еси, что еси за человек, что ти имя твое?». Старец же продолжал вторить, как эхо: «как еси к нам пришел, откуда еси, что твое имя». Тут «молвил», наконец, игумен чернецом «таково слово»: «не бойтесь старци — бог нам послал сего старца». Позвонили обедню, начали обедню петь, и старец «все обедненное петье пел» до конца и читал апостола. Старца пригласили на трапезу «хлеба ясти», а затем игумен отвел его в келью: «буди у нас, старче, живи с нами».

В этой живой сцене довольно много черт монастырских нравов и реальных положений: «уполошившийся» поп, испуганные чернецы, принявшие в ночь накануне Ивана Купала позднего гостя за беса, игумен, кадящий на старца темьянком, читающий над ним молитвы и тщетно спрашивающий его об имени.

Реальный, очевидно, в своей основе приход в Клопский монастырь Михаила, не хотевшего первоначально раскрывать своего происхождения, дополняется рядом чисто сказочных подробностей о том, как старец Михаил уклонялся от вопросов игумена, отвечая на них «тем же вопрошанием», то есть повторял обращенные к нему вопросы и предлагал на них ответить самому вопрошающему. Повторение вопросов игумена вносит в этот первый из рассказов «чудес» известную ритмичность композиции, напоминающую эпические повторения былинного и сказочного характера.

Черты реальности живо переданы и в другом эпизоде жития: о раздоре монастыря с посадником Григорием Кирилловичем. Посадник Григорий явился однажды в монастырь к обедне и, удержав игумена, когда тот, отпев обедню, собирался уходить из церкви, заявил «таково слово»: «не пускай ни коней, ни коров на жары (поля под паром), то земля моя, ни по реки по Веряжи, ни по болотам, ни под двором моим не ловити. А почнете ловити и аз (я) ловцам вашим велю ноги и руки перебити». Вмешался Михаил и сказал посаднику: «будеши без рук и без ног, мало в воде не утонеши». Когда ловцы волокли тоню, посадник «пошел к ним к реки, да и в реку за ними сунгав, да ударил рукою, да хотел другой ряд — так мимо ударил да пал в воду, мадо не утонул». Посадника вытащили из воды с парализованными руками и ногами.

Отдельные эпизоды-«чудеса» объединены между собою только личностью Михаила Клопского. Характер его раскрывается в эпизодах довольно цельно. Он строг, не боится посадников и князей, говорит правду в лицо, резок, практичен и по-своему остроумен. Чудесные деяния его по типу напоминают исполнения желаний героев сказок. Они показывают глубину его ума и остроту предвидения. Князю Константину Дмитриевичу, отправившемуся в Москву добывать себе велиkokняжеский стол, не сочувствовавший ему Михаил предрек скорую смерть: «земля вопиет», — повторяет он ему несколько раз. Посаднику Григорию, лишившемуся употребления рук и ног за покушение на монастырские ловли и просившемуся святого помолиться за него, Михаил раздраженно отвечает: «Поездишь по монастырям, попросишь у бога милости».

Во всех этих эпизодах-«чудесах» Михаил действует не под влиянием мистической экзальтации, а как политик, сильный и практичный человек. Михаил защищает экономические интересы монастыря, придерживается демократической московской партии.

Таким образом, житие Михаила Клопского рисует образ одного из тех монастырских деятелей, на энергии и предприимчивости которых основывалась экономическая и культурная мощь новгородских монастырей.

Стиль жития прост и близок к народному творчеству.

В житии встречаются следы рифмы: «а он (Михаил) от темьяна закрываетя, крестом знаменается», «а почнете ловити, и аз ловцам вашим велю ноги и руки перебити» и др. Некоторые из употребляемых в житии выражений приближаются по своему характеру к обычным формулам народного творчества. Например: «и молвят князь таково слово», «и рече посадник игумену таково слово», «Феодосий мльви старцам таково слово». Встречаются в житии и народные выражения часто поговорочного характера: «хлеб, осподо, да соль», «что твоа, чадо, задума, ездишь думаешь ж жонками», «тяжкий сон сломить», «собрашеся мног множество», «а мы доколе свет стоит и за тебя бога молим», «не весел изо обители тоя изыде» и др.

В языке жития довольно много просторечных ласкательных и уменьшительных выражений: «Михайлушки», «сенцы», «детки», «ジョンки»,

«сынко» и др. Отдельные обороты прямо воспроизводят обычную разговорную речь: «и он (Михаил) ширинку дерг из рук вон у владыки — да на главу владыки», или «а Михайло жил себе животе своем (при своей жизни) в келии един».

Таким образом, низы городского населения Новгорода, тяготевшие к Москве, создают свои литературные произведения, резко отличные и по демократичности формы и по политическому содержанию от витиеватых литературных произведений боярской партии.